

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ИРАНСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН (1914 — 1915 гг.)

Т. Короткова

Во время первой мировой войны Иран формально сохранял нейтралитет. Фактически же на его территории происходили военные действия, достигавшие в некоторые периоды большого напряжения. Особенную активность проявляли здесь немцы и турки, пытавшиеся превратить Иран в свой военно-политический плацдарм. Двусмысленную политику проводила в Иране и Англия, не раз подрывавшая позиции своей союзницы — России. Все эти события сами по себе представляют существенный интерес и кроме того имеют большое значение для анализа той колеблющейся и неустойчивой политики, которой придерживалось иранское правительство. Речь идёт не о выяснении обстоятельств, помешавших Ирану защищать свой нейтралитет вооружённой рукой, ибо общезвестный факт отсталости, слабости и полукOLONиальной зависимости Ирана в годы первой мировой войны (как и до неё) не требует доказательств. Но возникает немаловажный вопрос: являлось ли иранское правительство только жертвой агрессии или же оно одновременно было нарушителем собственного нейтралитета?

Этот вопрос имеет особое значение, так как в настоящее время империалистические державы находят в Иране благоприятную почву для своей реакционной и, по сути дела, захватнической политики. Правящие иранские круги и теперь, несмотря на происшедшие в Иране за истекшие тридцать лет значительные изменения, остаются податливым орудием в руках империалистов, стремящихся вернуть эту страну к положению полукOLONии.

История Ирана периода первой мировой войны слабо разработана в существующей литературе. Специальных монографий, посвящённых этой теме, не имеется (если не считать весьма примитивной и совсем не научной книги некоего Адемиета на персидском языке «Фарс и международная война»). Советские историки, в том числе М. С. Иванов, Г. Н. Ильинский и др., дали ряд ценных работ по новой и древнейшей истории Ирана, однако они уделяют главное внимание либо иранской революции 1905—1911 гг. либо периоду после первой мировой войны, но не самой войне. Западно-европейская литература, трактующая этот сюжет, грубо тенденциозна и недоброкачественна по своим исследовательским приёмам.

Ввиду этого при изучении истории Ирана периода первой мировой войны приходится основываться почти исключительно на первоисточниках в той, разумеется, мере, в какой они доступны исследователю. Среди опубликованной документации следует отметить официальное издание иранского правительства «Битарифи-йе-Иран» («Нейтралитет Ирана»), известное также под названием «Зелёная книга». Недостатки этой публикации велики: в ней отсутствует ряд

важных документов, не выгодных для иранского правительства, в то же время книга загромождена множеством повторяющихся друг друга циркуляров, адресованных губернаторам; документация подобрана с явной целью оправдать поведение иранского правительства, а некоторые документы расходятся с достоверными фактами, содержащимися в других источниках. Тем не менее «Зелёная книга», бесспорно, является важным источником, освещающим, хотя и односторонне, точку зрения иранского правительства.

Наиболее важные и доброкачественные материалы по интересующему нас вопросу собраны в советской публикации «Международные отношения в эпоху империализма», серия III. Это единственная в мире полная публикация документов первой мировой войны. Она незаменима не только для изучения истории дипломатии, но и для понимания внутренних процессов, происходивших в этот период внутри той или другой страны в данном случае Ирана.

Полезным дополнением к ней при изучении истории Ирана периода первой мировой войны послужили архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве и в Центральном историческом архиве Грузинской ССР в Тбилиси, где удалось извлечь значительное количество интересных документов, рисующих положение Ирана, деятельность немецких агентов, связи ханов различных племён и иранских властей с немцами и пр. Большую ценность представляют также материалы русской прессы.

Все эти источники и легли в основу настоящей статьи, касающейся одного из наиболее острых этапов Сорьбы за Иран в годы первой мировой войны — германотурецкого вторжения в Иранский Азербайджан. Статья является переработанной главой из кандидатской диссертации автора «Нейтралитет Ирана в первой мировой войне». Исследуемые события рассматриваются преимущественно под углом зрения их влияния на внутреннюю жизнь Ирана в изучаемый период. Отправной точкой служит вступление Турции в первую мировую войну, резко изменившее внутривнутриполитическую обстановку и международное положение Ирана.

Внезапное нападение германотурецкого флота 29 октября 1914 г. на русские суда и на русские порты в Чёрном море произвело, по словам очевидца, «ошеломляющее» впечатление на иранскую общественность. Всего лишь за несколько дней до нападения турецкое посольство опубликовало в тегеранских газетах заявление о том, что турецкое правительство не имеет никаких агрессивных намерений и будет соблюдать

во время войны строжайший нейтралитет¹. В первых числах ноября 1914 г., когда участие Османской империи в мировой войне уже было неопровержимым фактом, члены турецкого посольства в Тегеране усиленно распространяли слухи о том, что Порта совершенно невинно в возникновении войны, что нападение было произведено кораблями под командованием немецких офицеров и что немцы совершили этот шаг на свой риск и страх. Говорилось даже о том, что турецкое правительство готово дать Антанте удовлетворение, возместить русским понесённые ими убытки и т. д.².

В этих заявлениях была некоторая доля истины. Турция действительно целиком зависела от Германии. Однако это не уменьшало вины турецкого правительства. Да и самые заявления о «невиновности» Турции вряд ли делались по указаниям из Стамбула. Автором их скорее нужно считать тогдашнего турецкого посла в Тегеране Асым-бей, который принадлежал к числу противников младотурецкого «триумвирата». В 1912 г., во время триполитанской войны, Асым-бей, занимая пост министра иностранных дел в правительстве, сформированном сторонниками партии «Свобода и согласие», открыто выступал против младотурок. Затем он получил назначение в Тегеран. Когда началась европейская война, Асым-бей настойчиво советовал своему правительству сохранять нейтралитет, извлекая из него «возможные выгоды»³. Вполне возможно, что открытие военных действий Турцией было для Асым-бея, как и для многих других турецких дипломатов, действительно неожиданностью, в которую ему не хотелось верить.

Конечно, это не помешало Асым-бею очень скоро приспособиться к новым обстоятельствам и, как указано в одном из русских документов, стать «душой» и «вдохновителем» развернувшейся в Иране борьбы против России⁴. Асым-бей пользовался своим исключительным положением единственного в Тегеране посла — и притом мусульманской державы, — личным влиянием на шаха, большими связями среди придворных и правящих кругов. Всё же ему вместе с его германо-австрийскими руководителями (кстати, жена он был на австриячке) пришлось потратить немало усилий на то, чтобы добиться сколько-нибудь ощутимых результатов в своей антирусской деятельности.

В составе иранского правительства подавляющее большинство принадлежало к сторонникам России и Англии. Хотя у России, вынужденной вступить в войну на новом, кавказском фронте, было совсем мало войск (150—160 тыс. человек), наличие русских отрядов в Северном Иране, неподалёку от иранской столицы, представляло в глазах

иранских министров более весомый фактор, чем германо-турецкая пропаганда, не опиравшаяся пока ещё на вооружённую силу.

Впрочем, от иранского правительства ни Антанта, ни австро-германо-турецкий блок в этот период ещё не требовали никаких политических или иных действий, кроме формального нейтралитета. Поэтому объявление нейтралитета Ираном явилось естественным актом, не вызвавшим удивления ни внутри, ни вне страны. Тотчас после фактического вступления Турции в войну был опубликован шахский фирман о нейтралитете Ирана. Этот документ, датированный 12 зиль-хидже 1332 г. хиджры (2 ноября 1914 г.), гласил: «Ввиду того, что ныне между европейскими державами, к сожалению, возгорелся пламя войны и что военные действия могут приблизиться к границам нашего государства, а также принимая во внимание, что мы имеем, благодарение богу, добрые отношения с дружественными нам странами, каковые отношения мы намерены и впредь свято и нерушимо сохранять в применении к воюющим державам, — настоящим приказываем и повелеваем его превосходительству благороднейшему Мустофи Оль-Мемалеку, премьер-министру и министру внутренних дел, довести до сведения генерал-губернаторов, губернаторов и прочих правительственных уполномоченных наш шахский фирман о том, что наше правительство решило придерживаться нейтралитета и оберегать, как и прежде, свои дружественные отношения с враждующими между собой государствами, сообразно с чем надлежит предписать властям не оказывать каким бы то ни было способом, на суше или на море, содействием или противодействием, никакой помощи ни одной из враждующих сторон, не изготовлять и не доставлять для них оружие и военные припасы и вообще не поддерживать какую-либо воюющую державу, но полностью соблюдать нейтральный образ действий своего правительства, а если мы признаем за благо, по докладу совета министров, принять дальнейшие меры к защите нейтралитета и к сохранению в неприкосновенности дружественных отношений с державами, то об этом нами будет дополнительно издан соответствующий фирман»⁵.

Иностранные посольства и миссии в Тегеране, а также все иностранные консульства в Иране были официально извещены об объявлении Ираном нейтралитета.

6 ноября министерство иностранных дел Ирана отравило циркулярную телеграмму всем каргузарам⁶ с предписанием следить

¹ Центральный исторический архив Грузинской ССР (ЦИА ГрССР), ф. 9, д. № 14, л. 63—66.

² Там же.

³ Там же, ф. 126, л. № 32, л. 88.

⁴ Центральный исторический архив Грузинской ССР (ЦИА ГрССР), ф. 126, д. № 32, л. 88.

⁵ Официальная публикация иранского правительства «Битарафи-йе-Иран» на перс. яз. «Зелёная книга». Т. I, стр. 20, № 37. В сборнике «Международных отношений в эпоху империализма» (в дальнейшем МО) этого документа нет. В ЦИА ГрССР документ имеется в русском переводе, но перевод сделан крайне неточно (ЦИА ГрССР, ф. 9, л. № 14, л. 56).

⁶ Каргузар — чиновник при губернаторе, уполномоченный для сношений с иностранными консулами и ведавший делами ино-

за соблюдением нейтралитета. В частности запрещалось проведение сборов среди населения в пользу какой-либо из воюющих стран⁷.

Уже в эти первые дни после вступления Турции в войну резко усилилась панисламистская пропаганда. Турки и немцы всемерно старались разжечь в Иране, как и в других странах ислама, «дух мусульманской солидарности».

11 ноября 1914 г. глава турецкого духовенства, шейх-уль-ислам Хайри эфенди, в мечети Фатих в Стамбуле огласил свои фетвы, призывавшие мусульман «всего мира» к джихаду (священной войне) против держав Антанты. «Установлено, — говорилось в одной из этих фетв, — что Россия, Англия и Франция враждебны по отношению к исламскому халифату и проявляют все старания — да упасёт от этого аллах! — погасить высокий свет ислама... Является ли тогда долгом всех мусульман, которые находятся под управлением вышеназванных правительств, равно как и правительств, их поддерживающих, объявить также этим правительствам священную войну и поспешить к действительному нападению?» Традиционный ответ («эль-джеваб») гласил: «Да»⁸.

Вслед за шейх-уль-исламом высшее шиитское духовенство в Кербеле и Неджефе выступило 13 ноября с фетвами, в которых одобряло священную войну против Антанты. Неджефские муджтехиды обратились непосредственно к иранскому правительству. Они писали, что Англия, Россия и Франция всегда угнетали мусульманские народности, что турки восстали на защиту ислама, и если Иран желает обеспечить себе религиозную и политическую независимость, он должен примкнуть к Турции, в противном случае Иран погибнет. Телеграммы подобного содержания были адресованы также шаху, губернаторам и представителям духовенства в Иране⁹.

К началу траурного месяца мухаррема (в 1914 г. 1 мухаррема пришлось на 19 ноября) из Неджефа была передана в Тегеран по телеграфу новая фетва, призывавшая правоверных всеми средствами бороться против русских, англичан и французов, как главных посягателей на мусульманские земли. Фетва указывала, что единственным другом ислама является Германия, ибо она не захватила ещё ни пяди мусульманской земли и обязалась и впредь не делать этого. Фетва эта была отпечатана в Тегеране и раздавалась населению в запечатанных конвертах с принятием всех мер предосторожности¹⁰.

Неприязненное отношение к России стали проявлять и некоторые тегеранские газеты. В этот период (начало ноября 1914 г.) они ещё ограничивались отвлечёнными сетованиями на тяжёлую долю ислама или же по-

странцев, пользовавшихся льготами капитуляционного режима.

⁷ «Зелёная книга». Т. I, стр. 57, №№ 38, 40, 57.

⁸ Мустафа Кемаль «Путь новой Турции». Т. IV, стр. 350—351. М. 1934.

⁹ ЦИА ГрССР, ф. 9, д. № 30, л. 62.

¹⁰ Там же, л. 127.

мещали фантастические сообщения о революции в России, о том, что бакинский губернатор убит, а казаки возмутились и обстреливают Тифлис и т. п. В этих газетных статьях проводилась и специфическая немецкая пропаганда, рассчитанная на привлечение симпатий невежественных слоёв мусульманского общества; писали, например, что император Вильгельм принял ислам и должен именоваться впредь хаджи Вильгельм хан Кермани, ибо «германский народ происходит, собственно, из персидской области Кермана, откуда и воспринял своё название»¹¹. В тегеранском округе появились багдадские эмиссары, распространявшие призыв стамбульского шейх-уль-ислама к священной войне.

Все эти призывы, как и вообще панисламистская пропаганда, большого успеха не имели, ибо в районах, где господствовало безраздельное влияние России и Англии, у германо-турецкой агентуры не было опоры. Шейх Мохаммеры в своём ответе неджефским муджтехидам заявил, что в качестве иранского подданного не может предпринять какие-либо шаги помимо своего правительства¹². Не удалась также в Тегеране попытка призвать сбор денег для «войны с неверными».

Насколько можно судить по высказываниям газет и свидетельствам очевидцев, иранская общественность в целом отнеслась к лозунгу священной войны весьма сдержанно. Немалую роль в этом отношении играла старинная религиозная рознь между иранцами-шиитами и турками-суннитами. Наблюдатели отмечали невозможность «для персов-шиитов войти в союз с турками-суннитами, особенно в священные дни мухаррема, когда шииты оплакивают своих пророков Али, Хасана и Хусейна, замученных когда-то суннитами»¹³.

Имело значение и то обстоятельство, что фетвы исходили от муджтехидов, находившихся в Ираке, т. е. на территории, подчинённой туркам (а фактически немцам). Если во время иранской революции 1905—1911 гг. пребывание высшего шиитского духовенства вне иранских границ создавало для него независимое положение по отношению к шаху, то теперь призывы, раздававшиеся за пределами Ирана, производили на иранцев мало выгодное для муджтехидов впечатление. Эти призывы расценивались как вынужденные, обусловленные зависимостью неджефских улемов от турок и немцев. Да и самое вступление Турции в войну выглядело в глазах иранцев как подневольное действие. «Отношение персиян к турецкому выступлению довольно отрицательное, — сообщалось в обзоре событий в Тегеране за 29 октября — 13 ноября 1914 г.— Все убеждены, что немцы вынудили турок к этому и что если ислам потерпит какой-нибудь ущерб, в этом будут виноваты исключительно немцы»¹⁴.

Больше всего иранцы беспокоились за

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 62.

¹³ Там же, л. 127.

¹⁴ Там же, д. № 14, л. 63—68.

судьбу провинций, сопредельных с Турцией и Россией. Реальной была опасность превращения этих провинций в район военных действий. Поэтому ряд газет («Раад», «Шоура», «Асри-Джедид») высказывал сожаление по поводу русско-турецкой войны. Близкая к англичанам газета Сеида Зия эд-Дина «Раад» предсказывала гибель Иранского Азербайджана, возлагая ответственность за это на того, кто сделает его ареной сражения. Другая газета, скорее прорусского направления, «Асри-Джедид», утверждала, что немцы толкают турок на этот безумный шаг.

Во избежание репрессий со стороны России иранское духовенство даже старалось засвидетельствовать свою лояльность по отношению к союзникам. К русскому посланнику в Тегеране явился представитель местного духовенства, мулла, с заявлением, что иранское духовенство всецело сочувствует России и что об объявлении священной войны против русских в Иране не может быть и речи¹⁵.

Премьер-министр Мустоуфи оль-Мемалек и его правительство приняли даже кокакие меры против панисламистской пропаганды. Местному духовенству было предложено воздержаться от каких бы то ни было выступлений, так как правительство не сочувствует призыву из Неджефа и Кербелы. Иранским агентам в Багдаде и Неджефе по телеграфу было дано предписание объяснить муджтахидам «неуместность вносимой ими смуты». Мустоуфи оль-Мемалек лично вызвал к себе духовных лиц и редакторов газет и приказал им воздержаться от выступлений за или против какой-либо из воюющих сторон. Один послушавшийся этого приказа мулла (шейх Абдулла Хаби Нури), усиленно агитировавший против русских, был сослан в Семнан.

Сообщая об этих мерах русскому посланнику, иранский министр иностранных дел просил принять это как новое доказательство верности иранского правительства принципу благодетельного нейтралитета, который оно поддерживает несмотря на серьёзные попытки привлечь Иран к панисламистскому движению¹⁶.

Но хотя панисламистская пропаганда сама по себе и не имела успеха, всё же вступление Турции в войну на стороне центральных держав создало для немцев более выгодные условия в Иране. Теперь они начали действовать откровеннее. Советник миссии Кордорф, замещавший находившегося в отпуску германского посланника в Иране принца Рейса, приступил к формированию вооружённых отрядов. Под видом создания личной охраны Кордорф собрал к себе в миссию несколько десятков вооружённых людей, принадлежавших к разным кочевым племенам. «Надо думать», — отмечал по этому поводу исполняющий обязанности начальника персидской казачьей бригады¹⁷ пол-

ковник Блазнов, — что дело идёт не о личной охране, а об организации враждебных нам выступлений разных кочевых племён». По словам Блазнова, в тесных отношениях с германской миссией находились также иранские жандармы и возглавлявшие жандармерию шведские офицеры, «несомненно, энергично помогающие чинам этой миссии в их деятельности»¹⁸.

Иранская жандармерия действительно служила интересам немцев. В беспокойные дни ноября 1914 г. жандармы грозили беспорядками за невыплату им жалованья. Несколько позже под тем же предлогом они в нескольких пунктах Ирана «конфисковали» деньги в уездных казначействах и использовали их на уплату жалованья¹⁹. Вместе с тем шведские инструкторы в начале ноября 1914 г. усиленно распространяли слухи о том, будто русские отряды выступили из Казвина и направились в Тегеран или даже уже прибыли туда и скрываются в «подземельях» казачьей бригады²⁰. Брожение наблюдалось и в самой казачьей бригаде, где, по сообщению управляющего российским генеральным консульством, было немало лиц, сочувствовавших туркам и немцам²¹.

Германская агентура применяла всевозможные средства для того, чтобы создать в Иране панику и свалить ответственность за неё на Россию и Англию. 19 ноября газета «Шоура» поместила сенсационную заметку о победе турок над русскими и о быстром продвижении турецких войск на Тавриз. Сейчас же в Тегеране распространялись слухи, что ценность выпускаемых шахиншахским (английским) банком бумажных денег сразу должна упасть. Перед шахиншахским банком целый день стояла толпа, бросившаяся менять бумажные деньги на серебро. К вечеру уже многие торговцы отказывались принимать бумажные деньги²². Правда, шахиншахский банк принял необходимые меры, и паника улеглась.

Население столицы пребывало в тревоге, усиливаемой крайней нерешительностью иранского правительства. Русский посланник в Иране Коростовец писал по этому поводу Сазонову 18(5) ноября 1914 г.: «Несмотря на персидские заверения, имеющие, впрочем, академический характер, следует отметить колебания и отсутствие определённого курса, усугубляемые тревожными известиями из Азербайджана»²³.

В такой обстановке началось вторжение в Иранский Азербайджан турецких войск, руководимых фактически немцами. План наступательных операций, разработанный ещё до вступления Турции в войну Энве-

ским и русским правительствами; солдаты («казачи») набирались из иранцев, а командирами были русские офицеры.

¹⁵ ЦИА ГрССР, ф. 9, л. № 14, л. 61—66.

¹⁶ Там же, д. № 30, л. 127.

¹⁷ Там же, ф. 519, д. № 75, л. 14—15.

¹⁸ Там же, ф. 9, д. № 30, л. 127.

¹⁹ Там же.

²⁰ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 537.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, д. № 30, л. 62.

¹⁷ Персидская казачья бригада — воинская часть, сформированная в 80-х годах XIX в. в Иране по соглашению между иран-

ром-пашой, при участии его начальника генерального штаба ген. Бронсарта фон Шеллендорфа, отличался фантастическим размахом. В части, относящейся к Кавказу и Ирану, этот план предусматривал прорыв русского фронта на линии Ардаган — Сарыкамыш — Урмия, немедленный захват всего Закавказья и Северного Ирана, выход турецких войск в Закаспийский край, занятые Средней Азии и волжско-уральских районов с татарским населением, одновременно вовлечение Ирана и Афганистана в «священную войну», сосредоточение в Иране соединённых армий трёх мусульманских держав, проникновение их через горные проходы Афганистана в северо-западную Индию и присоединение индийских мусульман. С этим сочеталась наступательная операция на Суэцкий канал и затем на Египет. Здесь также, по мысли авторов плана, должна была вспыхнуть «священная война», к которой, как они надеялись, присоединятся сунниты Ливии, суданцы и вообще все мусульмане африканских колоний Ауптанты. В общем план был призван осуществить чуть ли не одним ударом все пантюркистские и панисламистские замыслы Энвера и его милитаристской клики²⁴. Даже Лиман фон Сандерс, глава германской военной миссии в Турции, отнёсся скептически к этому плану. Записывая в свой дневник беседу с Энвером перед его отъездом на кавказский фронт, Лиман фон Сандерс отметил: «В заключение нашего разговора он (Энвер) высказал мне мысли совершенно фантастические, но любопытные; он сказал, что имеет намерение идти затем на Индию и Афганистан»²⁵.

Германо-турецкий план, совершенно нереальный со всех точек зрения, всё же таил в себе опасность для России, так как Турция вступила в войну в момент напряжённейших боёв на русско-германском фронте. В результате ирако-род-варшавской операции (октябрь 1914 г.) русские войска нанесли немцам и австрийцам жестокое поражение. Как отмечал Людендорф в своих воспоминаниях, «27 (октября.—Т. К.) был отдан приказ об отступлении... Положение было исключительно критическое»²⁶. Только благодаря неудовлетворительному руководству операциями со стороны русской ставки немцы сумели избежать полного разгрома и предпринять 11 ноября неожиданную атаку в районе Лодзи. Немецкий маневр закончился неудачей, но русские силы были крайне истощены²⁷. Как раз в это время и началось турецкое наступление на Кавказ и Иранский Азербайджан.

В Иранском Азербайджане численность

²⁴ Миллер А. «Турция и Германия в годы первой мировой войны», стр. 17. М. 1944; ср. Зайончковский А. «Мировая война 1914—1918 гг.», стр. 222—223. 1938.

²⁵ Liman von Sanders «Fünf Jahre Türkei». S. 53. Berlin. 1919

²⁶ Людендорф «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.», стр. 78. М. 1923.

²⁷ Таленский Н. «Первая мировая война 1914—1918 гг.», стр. 35—36. М. 1944.

русских войск едва достигала 13 тыс. человек²⁸. переброска подкреплений в Иран была невозможна не столько по военным, сколько по политическим соображениям. Против неё решительно возражали союзники России — англичане и французы. Они в это время с большим трудом (несмотря на то, что германские силы были отвлечены на восточный фронт) сдерживали натиск немцев во Фландрии. Официальной ногой от 14 ноября 1914 г. английское правительство советовало России все силы направить против Германии, ведя против Турции лишь оборонительные операции, ввиду же разрешения конфликта с Германией²⁹. Помимо этого официального мотива Англией руководили опасения, что усиление русских войск на турецком фронте, и особенно в Иране, поведёт к слишком быстрому, с её точки зрения, разгрому турок и к установлению русской гегемонии в Азии и даже в Европе. По этим причинам английская дипломатия настойчиво советовала России не развязывать военные мероприятия в Иране, указывая, что это губительно отзовется на настроении мусульман в Индии, откуда Англия должна была перебросить большую армию в Египет и Европу³⁰.

Для русского правительства, и в особенности для русского военного командования, необходимость активизации военных действий в Иране была совершенно очевидной. Только так можно было нанести решительный удар по германо-турецким планам. В начале ноября командующий русскими войсками в Джульфе, ген. Воропанов, получил из Тифлиса распоряжение наместника арестовать «всех германских, австрийских и турецких консулов и опасных для России подданных этих держав в Азербайджане». На основании этого распоряжения Воропанов арестовал турецкого консула в Тавризе и препроводил его в Джульфу. Германский консул успел укрыться в американском консульстве. Объясняя необходимость этих мероприятий английскому правительству, Сазонов указывал в своей телеграмме от 6 ноября: «Мы поневоле вынуждены для создания благоприятной нам обстановки принимать те или иные меры, идущие вразрез с суверенными правами Персии и её нейтралитетом». Тут же он сделал англичанам предложение покончить с фикцией иранского нейтралитета. «Надо, — писал он русскому послу в Лондоне для передачи Э. Грено, — убедить Персию стать, ради собственного её престижа и достоинства, на нашу сторону, прекратив всякие сношения с нашими противниками и оказывая всё зависящее от неё содействие». Сазонов вместе с тем предлагал от имени России и Англии дать Ирану гарантию целостности его владений и пообещать, в случае победы над

²⁸ Larcher M. «La guerre turque dans la guerre mondiale», p. 434. Paris. 1926.

²⁹ MO. T. VI. Ч. 2-я, № 511; см. также Нотович Ф. «Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны», стр. 355—356. М.—Л. 1947.

³⁰ Нотович Ф. Указ. соч., стр. 307, 355.

Турцией, присоединение шиитских святынь — Кербелы и Неджефа³¹.

Предложение Сазонова вызвало недовольство Англии. Ей вовсе не улыбалась передача Кербелы и Неджефа Ирану: она сама претендовала на Ирак как на свою долю «оттоманского наследства». Поэтому русский посол в Лондоне получил от английского министерства иностранных дел отрицательный ответ с указанием, что эти святыне места играют «в Индии среди суннитов роль, которой индийское правительство придаёт большое значение». Трудно было понять, отмечал по этому поводу Сазонов, «почему уступка Персии Неджефа и Кербелы, имеющих значение священных мест для шиитов, могла возбудить недовольствие суннитов Индии и Египта»³². Но зато нетрудно было сделать вывод, что Англия решительно возражает против привлечения Ирана на сторону Антанты, а также против военной активности России в Иране. Под видом уважения к нейтралитету Ирана Грей и его помощник Никольсон указывали Бенкендорфу, что было бы вполне достаточно «нападения России (на Турцию. — Т. К.) со стороны Кавказа или хотя бы даже выжидательной тактики на этом фронте». Стараясь склонить русское правительство к этому решению, они давали понять, что судьба Константинополя и проливов будет решена «сообразно с интересами России» после разгрома Германии, который предопределяет участь Турции. «И тот и другой выразили надежду, — доносил Бенкендорф Сазонову, — что наши армии, направленные против Германии, не будут ослаблены переброской на Кавказ».

Подлинный характер английской политики в Иране на этом этапе войны достаточно ясно вырисовывается из сопоставления деклараций британского правительства с его действиями. Как только Турция вступила в войну, английская миссия в Тегеране опубликовала в тегеранских газетах воззвание вице-короля Индии к «подвластным ему народам». В этом воззвании вся ответственность за войну возлагалась на Турцию, которая должна будет понести «тяжкие кары». Кроме того, посланник Тоунлей направил в газеты письмо, в котором гарантировал «безопасность и неприкосновенность мусульманских святынь в городах Аравии от военных действий английской армии». По словам корреспондента «Нового времени», всё это «не замедлило произвести (в Иране. — Т. К.) успокаивающее впечатление»³³. В то же самое время (и даже до вступления Турции в войну) Англия ввела свои войска на территорию Ирана, насколько не считаясь с его нейтралитетом. 23 октября 1914 г. бригада англо-индийских войск, направленная было во Францию, но получившая в пути приказ высадиться в Персидском заливе, заняла остров Абадан. После начала войны с Турцией в Южный Иран были посланы ещё две бригады. 22 ноября англичане оккупировали Басру, что

имело целью не только ведение военных действий против Турции (кстати сказать, англичане вели военные операции на этом фронте вяло и неудачно), но и главным образом обеспечение английских интересов в районе нефтяных промыслов.

Ллойд Джордж, рассказывая в своих «Военных мемуарах» о событиях на юге Ирака и Ирана (в главе, носящей характерный заголовок «Месопотамский скандал»), откровенно объясняет цель этих военных операций. «К концу 1914 г. — пишет он, — стало очевидным, что Турция намерена присоединиться к враждебным нам державам. Это сделало необходимым принятие немедленных мер для охраны безопасности нефтяных промыслов в Персидском заливе»³⁴.

Иными словами, Англия, добиваясь от России соблюдения в первую очередь общесоюзных интересов, сама активно стремилась к разрешению узкобританских задач.

Таким образом, на кавказско-иранском театре России пришлось вести войну в весьма невыгодных для неё условиях. Это не могло не сказаться на результатах военных действий, по крайней мере в первые месяцы после их начала. Когда турки усилили свой нажим на главным из избранных ими направлений — Сарыкамышском (где войсками командовал лично Энвер-паша, — русскому командованию пришлось перебросить из Иранского Азербайджана почти все находившиеся там войска (сперва 2-ю стрелковую бригаду, а затем и 2-ю казачью дивизию). Поэтому в ноябре—декабре 1914 г. турки, вступив двумя колоннами в Иранский Азербайджан, через Хой и Соуджбулак, сумели преодолеть слабое сопротивление айсорских отрядов и занять значительную часть провинции. В то же время турецкие войска, продвинувшиеся со стороны Мосула, заняли Урмию³⁵.

На продвижение турецких войск реагировали главным образом высшие слои иранского общества: феодалы, вожди племён, крупное купечество, интеллигенция. Наибольшую активность в это время в Иранском Азербайджане развил принц Салар эд-Доуле. Один из многих претендентов на шахский престол, он ещё в годы иранской революции (1905—1911) завязал тесные отношения с немцами и выступал против России. Ему пришлось эмигрировать, но уже в октябре 1914 г. Коростовец сообщал Сазонову, что «этот предприимчивый авантюрист» собирается возвратиться в пределы

³⁴ Ллойд Джордж «Военные мемуары». Т. I—II, стр. 531. М. 1934. Легенда о том, что Россия первая нарушила иранский нейтралитет, прочно укрепилась в английской литературе. Арнольд Вильсон в своей «Persia» (р. 301), указав, что уже через несколько часов после вступления Турции в войну он увидел русские войска, продвигавшиеся по территории Ирана к турецкой границе, добавляет: «Это было первым нарушением персидского нейтралитета, но не было последним».

³⁵ Larcher. Op. cit., p. 435.

³¹ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 471.

³² Там же, стр. 44, прим. 1; см. также Нотвич Ф. Указ. соч., стр. 385.

³³ «Новое время» от 5 декабря 1914 года.

Ирана³⁶. Действительно, как только турецкие войска заняли Урмию, Салар эд-Доуле оказался там.

В планы Салара входило объединить племена Севера и предьявить через иранское правительство ультиматум России с требованием немедленно вывести русские войска из Азербайджанской провинции. В случае отказа Салар эд-Доуле собирался начать военные действия. С этой целью он вступил в связь с некоторыми представителями шахсевенских племён, среди которых резко проявлялись антирусские настроения. Правда, ряд шахсевенских племён издавна примыкал к сторонникам России. Шахсевены-багдади, населяющие округ Саве, Казвинской провинции, одно время поставляли рекрутов для персидской казачьей бригады³⁷. Вожди этих и близких к ним шахсевенских племён заверяли русские власти в своей лояльности. Зато другие шахсевенские вожди оказались более податливым орудием в руках Салара эд-Доуле. Так, например, вождь шахсевен, обитающих близ Савалана, некий Сарем хан Солтан, сконцентрировал несколько тысяч шахсевен, «совершенно готовых к выступлению», и собирал крупные суммы для войны с Россией. Русские власти поэтому не доверяли и тем шахсевенам, которые держали себя спокойно. Исполняющий обязанности начальника Ленкоранского уезда Тизенгаузен доносил, что «вообще все шахсевены без исключения к чему-то готовятся». Они отравили своих жён и детей в глубь страны, а вожди племён поддерживали связь с Тегераном, неоднократно туда выезжая. В связи с этими событиями «даже обычные мелкие грабежи и контрабандные движения совершенно прекратились, — сообщал Тизенгаузен, — и уже третью неделю ни малейшего происшествия нет». «Но это спокойствие весьма подозрительно, — пишет он, — и имеет характер тишины перед бурей». По сведениям того же Тизенгаузена, среди шахсевенских ханов велась даже разговоры о вторжении в Бакинскую губернию в случае неудач русских на турецком театре военных действий³⁸.

Ещё более тревожные сведения поступали из курдских районов. В рапорте начальника керманшахского отряда персидской казачьей бригады подполковника Ушакова от 17(4) ноября 1914 г. говорилось, что «провинции Керманшах и Курдистан стали походить на кипящий котёл»³⁹. Как отметил впоследствии советский военный исследователь генерал-лейтенант Н. Г. Корсун, «в период мировой войны 1914—18 гг. большинство персидских курдов, расселившихся к югу от Урмийского района, выступало на стороне турок или же придерживалось дружественного к ним нейтралитета, и оттоманскому правительству удавалось формировать из них особые отряды, иногда в несколько тысяч человек, которые, будучи

приданы к пехотным турецким частям, проявляли известную стойкость и часто развивали операции на сообщениях русских войск. При неудачах эти курдские формирования рассеивались, и курдское население изъявляло покорность»⁴⁰. Впрочем, из других источников видно, что среди курдов, так же как и среди шахсевен, не было единства. Курдские ханы и шейхи разделились на два лагеря: племена Северного Курдистана (сунниты) склонялись на сторону турок; остальная часть (преимущественно шииты) держалась выжидательной позиции, «мало интересуюсь, — как отмечал Ушаков, — воюющими сторонами и мечтая лишь об удобном случае для грабежей». Первые насчитывалось от двух до четырёх тысяч. По мнению Ушакова, они были малоопасны для регулярных войск. Шиитов, как полагал Ушаков, можно было бы даже поднять против турок; тысяч 12—14 могли бы пойти, «чтобы вернуть Кербелу и Неджеф». Но курды-шииты так и не пошли «завоевывать» шиитские святыни в Ираке, а курды-сунниты, хотя их было меньше, создавали для русского военного командования значительные осложнения.

Развитие военных операций в Иранском Азербайджане повлекло за собой брожение также и в сопредельных провинциях. Уже в самом начале ноября русские военные власти получили из Казвина сведения об усилении враждебности к России со стороны персидских жандармов и полицейских, подстрекаемых своими начальниками — шведами — и инструкторами из тегеранской революционно настроенной молодёжи, которые «жаждут создать какой-либо инцидент, способный вызвать нас на крайние меры»⁴¹. Примерно в это же время в Реште был обнаружен комитет, состоявший из десяти иранцев и десяти турок и занимавшийся сбором пожертвований для нужд «священной войны»⁴².

Русские власти, обеспокоенные создавшимся в Иранском Азербайджане положением, не имея возможности опереться на собственные вооружённые силы, решили прибегнуть к услугам своего «испытанного» клиента — Шоджи эд-Доуле. Летом 1914 г. Шоджа выехал в Ялту, так как его деятельность вызвала резкое недовольство англичан, и русское правительство, вынуждённое после начала европейской войны пойти в иранском вопросе на уступки Англии, сочло, по всей вероятности, более целесообразным временно удалить Шоджу из Ирана. Но вступление Турции в войну, открытие военных действий на ирано-турецкой границе и незначительность русских военных сил в Иранском Азербайджане снова повысили ценность Шоджи эд-Доуле в глазах русских властей. 8 ноября 1914 г. Сазонов шифрованной телеграммой сообщил заместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову, что Шодже эд-Доуле позволено выехать из Ялты в Иран, так как Шоджа якобы крайне обеспокоен судьбой своих имений в Мараге. Для защиты этих имений Шоджа по-

³⁶ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 457, стр. 14, прим. 1.

³⁷ Корсун Н. «Персия», стр. 9. М. 1923.

³⁸ ЦИА ГрССР. ф. 9, д. № 19, л. 40, 41—42.

³⁹ Там же, д. № 14, л. 75.

⁴⁰ Корсун Н. Указ. соч., стр. 42.

⁴¹ ЦИА ГрССР, ф. 9, д. № 13, л. 23.

⁴² Там же, д. № 19, л. 41—42.

желал отправиться в свои владения и сформировать там сильный отряд, для чего просит у русских властей оружие и артиллерию с инструкторами⁴³.

Вслед за тем Шоджа эд-Доуле появился в Иранском Азербайджане, а 26(13) ноября иранское правительство получило от сердара Решида сообщение о том, что Шоджа, поселившись в Намет-Абаде, занимается антиправительственными интригами. Отправляя это сообщение, сердар Решид действовал скорее из личных интересов, а не из искреннего желания оградить правительство от опасности. Дело в том, что Решид временно замещал Шоджу на посту губернатора Азербайджана. С возвращением Шоджи в Иран Решиду угрожала потеря этой весьма доходной должности. Независимо от этого, в сообщении сердара Решида была доля правды. Шоджа эд-Доуле, конечно, не собирался подчиняться Тегерану. Поэтому иранское правительство хотело было предложить Шодже отправиться в Кербелу или вернуться в Россию, так как считало опасным для себя пребывание его в Иране. Но русский генеральный консул в Тавризе Орлов ответил на это предложение указанием, что наместник поручил Шодже охранять южную границу Азербайджана ввиду невозможности выделить для этой цели русский отряд⁴⁴.

В конце ноября сердар Решид получил от иранского правительства приказ оповестить население о том, что ему запрещается под страхом наказания и конфискации имущества присоединяться к Шодже эд-Доуле для защиты Азербайджана от вторжения турок. На это последовал резкий протест Орлова: он заявил, что главным командующий, когда поручал Шодже эд-Доуле организацию обороны Азербайджана, руководствовался не только интересами защиты нейтралитета Ирана, но и государственной границы России. Орлов добавил, что если иранское правительство будет препятствовать стратегическим планам России, то русским властям придётся, вероятно, принять меры к устраниению этого препятствия, взяв организацию военных сил Азербайджана в свои руки «в соответствии с изменением ныне существующего гражданского управления края». Вместе с тем Орлов «подтвердил» сердару Решиду, что опасения иранского правительства, будто Шоджа эд-Доуле может использовать собранные им силы для похода на Тегеран, «не могут иметь осуществления, пока императорское правительство не разрешит ему предпринять этот шаг»⁴⁵.

Такого рода заявление означало неприкрытую угрозу свержения иранского правительства с помощью Шоджи эд-Доуле. Разумеется, заявления Орлова лишь усилили беспокойство иранского кабинета.

Тем временем Шоджа организовал иранские полки для похода против турок. Сердару Решиду он заявил, что не может считаться с запрещениями иранского прави-

тельства, так как ему «самим императором» велено защищать Азербайджан. Он даже стал на свои военные нужды собирать мали-аб (налог) в Азербайджане. 9 декабря Шоджа вступил со своими отрядами в Миандоаб⁴⁶.

Иранское правительство продолжало высказывать Коростовцу своё недовольство поведением Шоджи. Иранский посланник в Петрограде Исаак-хан имел на эту тему беседу с Сазоновым. Но русское правительство не хотело отказаться от поддержки Шоджи. Сазонов ответил Исаак-хану, что поведение иранского правительства непонятно и заставляет думать, что правительство заодно с турками⁴⁷.

В связи с делом Шоджи эд-Доуле и до этого неустойчивое положение кабинета Мустоуфи оль-Мемалека сделалось критическим. Руссофильская группа иранских деятелей (Саад эд-Доуле, Сеидхадар, Ферман-Ферма) считала, что в конфликте с Турцией Ирану выгоднее стать уже и формально на сторону России. Поэтому они поддерживали Россию в вопросе о Шодже. Англофилы, напротив, опираясь на Тоунлей, открыто порицали русскую политику. Для того чтобы лишний раз подчеркнуть существование нейтралитета Ирана, Тоунлей посовествовал Мустоуфи оль-Мемалеку заявить турецкой миссии протест по поводу вступления турецких войск в Соуджбулак. Иранское правительство сделало это, но понятию, не получило от турок удовлетворительного ответа⁴⁸.

Мустоуфи оль-Мемалек готов был подать в отставку, однако не так легко было найти ему преемника, удобного и России и Англии. Приходилось также считаться с депутатами меджлиса, среди которых было немало членов демократической партии — противников России.

В своё время демократическая партия боролась за конституцию и представляла интерес прогрессивной части иранской буржуазии, стремившейся к освобождению Ирана от полукOLONиальной зависимости. Но после поражения иранской революции эта партия в значительной своей части утратила революционный характер. Некоторые её лидеры, эмигрировав в Германию, создали в Берлине комитет иранских демократов, ставший агентурой германской разведки. Довольно многочисленная фракция демократов в иранском меджлисе также подменила борьбу за освобождение Ирана от всякой иностранной зависимости тесным сближением с Германией и Турцией, видя в этих державах противовес англо-русской опеке над Ираном. Ввиду этого меджлис в основном занимал прогерманскую позицию.

Саад эд-Доуле в беседе с Коростовцем обратил его внимание на это обстоятельство. Он полагал, что положение можно было бы исправить присылкой депутатов от Азербайджана, группа коих, по его мнению, «могла бы... до известной степени парализовать весьма сильное... германо-туркофильское настроение демократического

⁴³ Там же, д. № 30, л. 12.

⁴⁴ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 574 и прим. 1 на стр. 140.

⁴⁵ Там же, № 574.

⁴⁶ Там же, № 632, прим. 1 на стр. 202.

⁴⁷ Там же, № 606 и прим. 1 на стр. 171.

⁴⁸ Там же, прим. 1 на стр. 171.

меджлиса». Но извещённый об этом Сазонов ответил Коростовцу, что он совсем не уверен в том, что депутаты Азербайджана будут склонны поддерживать Россию. Поэтому русский посланник намеревался расстроить кворум меджлиса, удалив из него некоторых депутатов, и тем самым не допустить открытие его⁴⁹.

Однако 6 декабря 1914 г. в торжественной обстановке шах Ахмед открыл третий меджлис. На открытии присутствовали весь дипломатический корпус, размещённый в двух отдельных ложах, а также принцы, правительство в полном составе и персидская знать.

В своей тронной речи шах выразил надежду, что открытие народного собрания в год коронации явится добрым предзнаменованием для его царствования. Он призывал «представителей народа к созидательной работе над всесторонним возрождением Персии». В заключение шах объявил о своём намерении придерживаться строгого нейтралитета в войне. Председателем меджлиса был избран Мотаме оль-Мольк, председательствовавший и во втором меджлисе. Необходимый кворум был едва достигнут: из 136 депутатов явился только 71, а 1 января 1915 г., к удовлетворению Коростовца, явились только 34 депутата. Таким образом, меджлис не мог продолжать свою деятельность⁵⁰.

Коростовца это успокоило, но ему кроме того хотелось добиться некоторых изменений и в составе правительства. Прежде всего желательно было удалить министра иностранных дел Ала эс-Салтане. Сам он был человек старый и неспособный к какой-либо активности, но его сын Муин оль-Везаре, слывший младперсом и большим либералом, успел заручиться поддержкой англичан и воздвигался на отца в желательном для англичан духе.

Кандидатом на пост министра иностранных дел Коростовец выдвигал Восуга эд-Доуле, который в действительности тогда уже был теснейшим образом связан с англичанами⁵¹. На посту министра внутренних дел русские дипломаты желали видеть Ферман-Ферма. С целью продвижения этой кандидатуры Коростовец посоветовал Ферман-Ферма не проявлять открыто особой близости к русским и постараться получить поддержку англичан.

При введении в состав кабинета этих лиц русская миссия готова была согласиться оставить в качестве премьера Мустоуфи оль-Мемалека. Информированный об этих планах, Сазонов указывал, что вполне их разделяет, но что следует действовать преимущественно через английскую миссию

ввиду подозрительности, с которой иранцы относятся к русским⁵².

Коростовцу не удалось осуществить ни одного из всех этих намерений. Англичане попрежнему противодействовали каждому шагу русской дипломатии. В эти дни русское правительство получило сведения, что киркукский мутасаррыф (губернатор) прислал Шодже эд-Доуле письмо, в котором указывалось, что турецкие войска пришли в Иран с согласия иранского правительства «для изгнания русских из Тавриза»⁵³. В связи с этим русское министерство иностранных дел предложило английскому правительству через посла в Петрограде Дж. Бюкенена «безотлагательно принять меры к улучшению положения в Иране. Меры эти должны были выразиться в том, что обе эти державы заявят протест в Тегеране и потребуют изменений в составе совета министров. Но и эта попытка русского правительства добиться реорганизации иранского кабинета по соглашению с Англией не удалась. Английское посольство ответило, что оно не может участвовать в насильственных действиях в отношении меджлиса или центрального правительства Персии». Вместе с тем Грей обратился к Сазонову с просьбой дать самые решительные директивы русским дипломатическим и консульским чинам в Иране занять примирительную позицию в отношении иранского правительства и воздержаться от всего, что походило бы на «насильственные действия»⁵⁴.

Не подлежит сомнению, что, призывая воздержаться от «насильственных действий», Грей прежде всего имел в виду сохранить угодных англичанам иранских министров на их постах. Главным образом англичанам хотелось сохранить Ала эс-Салтане, под влиянием сына действовавшего в полном соответствии с указаниями Тоунлея⁵⁵.

Так или иначе в самый острый период военных действий в Иранском Азербайджане Англия и Россия противостояли друг другу в иранском вопросе, как будто они были военными противниками, а не союзниками. Характеризуя политику Тоунлея, Коростовец писал, что расходится с английским посланником по всем без исключения вопросам: относительно Шоджи эд-Доуле, об изменениях в кабинете, об эвакуации русских войск из Азербайджана. Самое же неприятное, добавлял Коростовец, — это то, что Тоунлей не скрывает своей точки зрения от иранцев, которые, видя столь явное отсутствие согласия между союзниками,

⁴⁹ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 659 и прим. 1 на стр. 228.

⁵⁰ Там же, № 632.

⁵¹ Там же, № 686.

⁴⁹ Там же, № 692.

⁵⁰ «Новое время» от 6 и 9 декабря 1914 г. и от 7 января 1915 года.

⁵¹ Восуг эд-Доуле, брат нынешнего премьер-министра Ирана, Кавама эс-Салтане, подписал в 1919 г. кабальный договор с Англией, поставивший Иран фактически под английский протекторат.

⁵⁵ Кстати можно отметить, что как Коростовец, выдвигая кандидатуру Восуга эд-Доуле, не понимал его подлинной ориентации, так и Тоунлей, поддерживая Муина оль-Везаре, жестоко в нём просчитался. В 1915 г., когда германские представители бежали из Тегерана в Кум, не кто иной, как Муин оль-Везаре вёл по поручению немцев переговоры между Кумом и Тегераном.

тмеют возможность уклоняться от выполнения любых русских пожеланий»⁶⁰.

Нарушения нейтралитета Ирана воюющими державами были очевидны. Однако само иранское правительство, заявляя протесты против нарушения нейтралитета, не принимало никаких действительных мер к его ограждению. Напротив, иранское правительство даже возводило свою беспомощность в принцип и как бы оправдывало этим присутствие, например, турецких войск в Иранском Азербайджане. В разгар военных действий в Иранском Азербайджане правительством послано в Тавриз циркуляр следующего содержания: «Наше правительство уже оповещало своих подданных о соблюдении ими полного нейтралитета. Настоящим доводим до сведения всех обывателей Персии о том, что турецкое правительство звело свои войска в нашу страну. Если кто-либо будет вооружаться против турецкого правительства, нарушая нейтралитет, он будет подвергаться самой строгой каре. Наше правительство будет конфисковывать имущество такового и лишит его жизни через повешение»⁶¹.

Трудно сказать, чего было больше в этом акте иранского правительства: хитрости или наивности. Но иранское правительство понимало «строжайший нейтралитет» в том смысле, чтобы «строго нейтрально» относиться к его нарушению воюющими державами.

Повидимому, на тегеранский кабинет большое впечатление производило продолжавшееся наступление турецких войск. Военная обстановка в Иранском Азербайджане наибольшей остроты достигла в начале января 1915 года. Это был критический момент боёв у Сарыкамыша, где решалась судьба турецкого наступления на Кавказ. Русскому командованию пришлось увести из Тавриза остатки своих войск, и 14 января турки заняли столицу Иранского Азербайджана⁶². Иранские власти и жители Тавриза устроили турецким войскам «восторженную встречу», что можно отчасти объяснить не столько симпатиями к туркам, сколько желанием расположить их в свою пользу и предупредить насилия. Однако многие видные иранские феодалы и сановники, поверив в прочность турецкого завоевания, проявляли к туркам симпатии не за страх, а за совесть. Так, сердар Решид вопреки всем своим предыдущим заявлениям не отошёл вместе с русскими войсками, а остался в Тавризе⁶³.

⁶⁰ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 704.

⁶¹ ЦИА ГрССР, ф. 9, оп. 2, д. № 35, л. 223. Ни в «Зелёной книге», ни в МО этот документ не содержится. В архиве ГрССР он хранится как телеграмма с неразборчивым адресом и неразборчивой датой.

⁶² В книге полк. А. И. Ияса, в некрологе, посвящённом автору, указывается, что русские очистили Тавриз 5—6 января (Ияс с А. «Поездка по Северному персидскому Курдистану». Петроград, 1915).

⁶³ ЦИА ГрССР, ф. 9, д. № 75, л. 7. В источниках имеется указание, что Решид заранее сговорился об этом с германским консулом в Тавризе Литтеном, получив от него

Очень скоро тем иранцам, которые восторженно встречали турок, пришлось разочароваться. По признанию турецкого генерального консула в Тавризе (баш шахбандер) Рахим-бея, турки «допустили две ошибки»: во-первых, они недостаточно внимательно отнеслись к местной знати, а, во-вторых, как пишет Рахим-бей, «самой крупной и невежественной ошибкой было отправление телеграммы из Тавриза в Тегеран с предупреждением тегеранских властей о том, что предполагаемый приезд в Тавриз валиагда⁶⁴ они не допустят». При этом турки угрожали движением на Тегеран⁶⁵.

Рахим-бей, конечно, заблуждался, придавая чрезмерное значение позиции турок по отношению к валиагду. Интересно отметить, что до занятия Тавриза турками, равно как и после их ухода оттуда, турецкие дипломаты в Тегеране всячески поддерживали идею поездки валиагда в Азербайджан. Они возражали против этого только тогда, когда сами собирались хозяйничать в Азербайджане.

Более серьёзное впечатление на иранцев произвели действия турецких регулярных и нерегулярных частей в Иранском Азербайджане. Почти ничем и никем не сдерживаемые, турки чинили зверскую расправу над христианским населением, не успевшим отойти с русскими войсками (ушло около 10 тыс. человек). Пострадали от турок и мусульмане. Турки расстреляли соуджудакского губернатора сердара Мукри и его сына, а также губернатора г. Бане и маратинского хана Мозаффера эс-Салтане. По приговору турецкого военного суда было казнено несколько армян, среди которых находились и русские подданные. Ещё больше людей погибло без суда⁶⁶.

Результаты такого поведения турок не замедлили сказаться, как только началось отступление турецких войск. Жители многих северо-восточных районов стали нападать на отступающих турок и курдов. Об этом не без грусти сообщал Асым-бею турецкий генеральный консул в Тавризе Рахим-бей. Он писал: «Русские оставались в Азербайджане около четырёх лет и за это время корректным отношением к населению, их обычаям и религии сумели заслужить доверие и уважение населения и тем привлечь на свою сторону много сторонников. Мы же, турки, несмотря на то, что одной религии и языка с азербайджанским населением, не можем добиться и десяти части тех результатов, которых добились русские»⁶⁷. Пожалуй, Рахим-бей несколько преувеличивал блага русского оккупационного управления в Иранском Азербайджане, но бесспорно, что по сравнению с турецким,

гарантии соблюдения турками порядка в городе и, главное, своей личной безопасности.

⁶⁴ Валиагд — наследник престола. В то время валиагдом был 15-летний брат шаха Ахмеда, Мохаммед Хусейн-мирза.

⁶⁵ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2000, д. № 4139, л. 15.

⁶⁶ МО. Т. VI. Ч. 1-я, № 60.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 2000, д. № 4139, л. 18.

хотя и кратковременным, господством русская оккупация выглядела почти идиллией. Вообще следует отметить, что если часть иранского населения во главе с демократом искала в немцах своих союзников, то в турках никто таких не видел. Вторжение турок на иранскую территорию возбудило в иранцах к ним ненависть и страх. С новой силой обострилась давнишняя вражда. Грабежи и насилия, которым подвергались районы, занимаемые турками, воскресили старинную шиитско-суннитскую рознь. К тому же, если немцы умело скрывали истинные причины своего прихода в страну, то турки даже не пытались следовать им в этом. Так, например, когда вождь племени Сенджаби Шир-хан спросил турецкого консула, зачем турки вторглись в Иран, тот ответил: «Чтобы тебя повесить»⁶⁴.

Пребывание турецких войск в Тавризе сопровождалось усиленной антирусской деятельностью. Туда были вызваны представители племён шахсевен и коджабелчицев. С ними турецкое командование обсуждало план образования конных отрядов для присоединения к турецким войскам. Старшины и другие влиятельные лица не без участия самих иранских властей приступили во многих шахсевенских селениях к формированию дружин «для борьбы с христианством». Было предписано вооружаться что чем может⁶⁵.

Всё это было вопиющим нарушением нейтралитета Ирана как со стороны турок, так и со стороны самих иранцев. Между тем в Тегеране иранское правительство продолжало заверять русского и английского посланников в желании Ирана соблюдать нейтралитет. Мустоуфи оль-Мемалек и Ада эс-Салтане говорили Тоунлео, что Иран намерен объявить Турции войну⁶⁶.

В действительности иранское правительство ограничилось тем, что повторило Асым-бею, а также, через иранского посла в Стамбуле, Порте слабый и чисто формальный протест против вступления турецких войск на иранскую территорию. В телеграмме, отправленной по этому поводу иранскому послу в Стамбуле 28 декабря 1914 г., иранское правительство указывало также, что Россия отводит свои войска из Азербайджана, поэтому иранское правительство высказывало надежду, что и Порта проявит сдержанность и прекратит продвижение своих войск в глубь страны⁶⁷.

Ответ Порты был, как и следовало ожидать, неутешительным. По сообщению из Стамбула, переданному 4 января 1915 г., оттоманское министерство иностранных дел пообещало отвести турецкие войска только по окончании войны. Для успокоения иранского правительства Порта добавила, что у Турции не имеется никаких посягательств на Иран⁶⁸.

В свою очередь Асым-бей заявил в Тегеране иранскому правительству, что Турция оставляет за собой свободу действий, так

как Иран сам давно уже нарушил нейтралитет, в частности действиями Шоджи Эд-Доуле, который является подданным Ирана. Получив такой ответ (к этому времени Тавриз был уже занят турками), иранское правительство не нашло ничего лучше, как направить Коростовцу ноту с просьбой оказать содействие благим намерениям персидского правительства, дабы оно могло дать ответ нападкам на него и могло вывести Персию из опасности». В ноте указывалось, что турки заняли Тавриз только из-за действий Шоджи⁶⁹. По-своему разъясняя иранскому правительству создавшуюся обстановку, Асым-бей говорил, что турки вступили на иранскую территорию с целью изгнать оттуда русских — и только. Отступление русских войск из Азербайджана, которое сами русские пытались представить как добровольную эвакуацию, являлось необходимою. В беседе с Мустоуфи оль-Мемалеком турецкий посол ещё раз подчеркнул, что турки «спасли Иран от иноземной оккупации и территориального поглощения». При этом он намекал на предполагающийся поход турок в Казвин, где находятся русские войска. Асым-бей указал, что в случае, если русские действительно эвакуируют Иран, он предложит Порте отозвать турецкие войска с иранской территории⁷⁰.

В той же беседе Асым-бей высказал мнение о возможности отхода турецких войск из Азербайджана при условии, если в Тавриз придет валиагд и наведёт в провинции порядок. Это последнее заявление Асым-бея (о валиагде) противоречит приведённому ранее сообщению турецкого генерального консула в Тавризе Рахим-бея о том, что турки, заняв столицу Иранского Азербайджана, сопротивлялись приезду туда валиагда. В источниках нельзя найти точного объяснения, чем было вызвано такое расхождение между словами Асым-бея в Тегеране и заявлениями турецких военных властей в Тавризе. Возможно, что здесь имело место обычное в турецких условиях пренебрежительное отношение военного командования к действиям своих же собственных дипломатов, особенно понитное по отношению к Асым-бею, который не пользовался доверием младотурок, в частности Энвера. Возможно также, что заявление Асым-бея представляло собой тактический маневр. Турки хорошо знали, что иранское правительство придаёт большое значение поездке валиагда в Тавриз и что русские решительно возражают против этого. Примерно в это же время иранский посланник в Петрограде Исаак-хан снова обращался к русскому правительству с запросом о том, как оно отнесётся к посылке валиагда в Тавриз. Сазонов ответил достаточно резко: «Мы уже не раз высказывались прогив посылки валиагда в Азербайджан». По поводу турецких заверений, данных Ирану, Сазонов сказал: «Мы их (турок. — Т. К.) обещаниям абсолютно не верим и считаем, что они и после прибытия валиагда под разными предлогами не очистят Азербайджан, кото-

⁶⁴ Там же, ф. 2003, д. № 524, л. 329.

⁶⁵ ЦИА ГрССР, ф. 126, д. № 9, л. 22.

⁶⁶ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 722.

⁶⁷ «Зелёная книга». Т. I, стр. 72, № 152.

⁶⁸ Там же, стр. 84, № 167.

⁶⁹ МО. Т. VII. Ч. 1-я, № 6, прим. 1 на стр. 9.

⁷⁰ Там же, № 60.

ры хотя бы пользоваться как базой для действий против нас. Удалить их с персидской территории способно лишь наступление наших войск, каковое находится в зависимости от стратегических соображений кавказского военного командования»⁷¹. По всей вероятности, турецкому послу стал известен отрицательный ответ Сазонова Исаак-хану относительно валиагда, и Асым-бей счёл момент подходящим для того, чтобы возобновить свои пожелания о посылке валиагда в Тавриз.

Вряд ли иранское правительство серьёзно верило в искренность заверений турок. Но оно воспользовалось ими, чтобы выступить перед русским правительством с новыми домогательствами. Коростовцу было заявлено, что совсем недостаточно, чтобы русские войска ушли только из Азербайджана. Следует вывести все русские войска из Ирана, а тогда уйдут и турки.

Английский посланник Тоунлей и на этот раз занял антирусскую позицию. Он высказался за удовлетворение требования иранцев о полной эвакуации русских войск в целях якобы окончательного привлечения Ирана на сторону Антанты⁷². Он настаивал также на предоставлении Англией и Россией ссуды Ирану в 4 млн. руб., будто бы для содержания вызываемых в Тегеран бахтиарских и армянских отрядов, в действительности же для оказания финансовой поддержки руководимым шведами иранским жандармам. Начальник персидской казачьей бригады Прозоркевич писал по этому поводу в своём рапорте: «Конечно, почти вся сумма этой ссуды пойдёт на уплату долга жандармам и обеспечит на известный срок их существование... Англичане, справедливо боясь усиления нашего влияния, стараются во что бы то ни стало вернуть к жизни жандармов»⁷³.

Вместо предоставления нового займа иранскому правительству Прозоркевич советовал усилить Казвинский отряд (тем более что англичане уже занялись усилением своих отрядов на юге Ирана за счёт бахтиар). Он отмечал, что принятые до этих пор меры, выразившиеся лишь в отправке шести пулемётов для казачьей бригады да в посылке в Энзели по приказу главнокомандующего, стационара «Геок Тепе», вовсе недостаточны⁷⁴. Обещания иранского военного министра предпринять шаги к ликвидации антирусских выступлений племён Прозоркевич считал нереальными. «Меры эти не заслуживают внимания, — указывал Прозоркевич, — так как фактически не могут осуществиться без твёрдой власти и денег»⁷⁵.

⁷¹ Там же, № 45. Придерживаясь этой точки зрения, Сазонов даже обращался к наместнику на Кавказе с просьбой не эвакуировать Азербайджан (ЦИА ГрССР, ф. 9, д. № 30, л. 209), хотя ему должно было быть хорошо известно, что эвакуация производилась не по доброй воле.

⁷² МО. Т. VII. Ч. 1-я, № 6.

⁷³ ЦИА ГрССР, ф. 519, д. № 75, л. 15.

⁷⁴ Там же, ф. 9, д. № 19, л. 85; д. № 30, л. 201.

⁷⁵ Там же, ф. 519, д. № 75, л. 14—15.

Сазонов также считал полным заблуждением надеяться привлечь Иран на сторону России и Англии «мягкими средствами» и «засканиванием» перед иранским кабинетом. В то же время Сазонов пришёл к выводу, что в сложившейся обстановке необходимо потребовать от британского правительства отозвания Тоунлея. Со своей стороны Сазонов соглашался пожертвовать Коростовцем, который, по его мнению, не сумел понять создавшейся ситуации. Русская дипломатия готова была также отказаться от поддержки Шоджи эд-Доуле, «тем более, что надежды, на него возлагавшиеся, совершенно не оправдались»⁷⁶.

Вся эта, столь трудная для России обстановка резко изменилась к концу января 1915 г. в связи с поражением турецких войск под Сарыкамышем. Турецкая 3-я армия, которой командовал Энвер-паша и которая насчитывала в начале операций 90 тыс. бойцов, была почти полностью уничтожена. К 23 января 1915 г. перегруппированные остатки этой армии составляли лишь 12 400 человек⁷⁷. Разгром турецких войск позволил русскому командованию приступить к восстановлению положения в Иранском Азербайджане. 22 января наместник на Кавказе отдал приказ о наступлении на Тавриз. Иранцы пытались было отговорить русское правительство от возвращения русских войск в Иранский Азербайджан. По этому вопросу несколько раз созывались экстренные совещания совета министров, на которых, однако, никаких определённых решений принято не было. В конце января Коростовца посетил Моин оль-Везаре и сообщил, что правительство желало бы предотвратить вооружённое столкновение на иранской территории и что лучшим средством для этого было бы отказаться от продвижения русских войск в Иранском Азербайджане. На это Коростовец ответил, что миссия не может вмешиваться в стратегические соображения военного начальства⁷⁸.

Тем временем русские войска стремительно продвигались. Располагавшаяся и прежде в Иранском Азербайджане 2-я стрелковая бригада получила подкрепления и реорганизовалась в дивизию. Её поддерживал 4-й корпус, расположенный на левом фланге Кавказской армии. Нанеся туркам жестокое поражение у Софиана (к северу от Тавриза), русские войска 31 января заняли Тавриз. Остатки турецких войск были затем разбиты у Дилмана (юго-западнее Хоа) и отступили за турецко-иранскую границу. На этом, в сущности, закончились турецкие операции в Иранском Азербайджане. К югу от линии Урмия — Соуджбулак ещё оставались нерегулярные отряды турецких «добровольцев», главным образом курдов, сдерживавшиеся несколькими сотнями казаков, но это уже не имело никакого военного значения⁷⁹.

Поражение турок, как и следовало ожидать,

⁷⁶ МО. Т. VI. Ч. 2-я, № 739, прим. 3 на стр. 286.

⁷⁷ Larcher. Op. cit., p. 389.

⁷⁸ МО. Т. VII. Ч. 1-я, № 134.

⁷⁹ Larcher. Op. cit., p. 389.

дать, привело к ослаблению антирусских настроений в Иранском Азербайджане. Однако полного успокоения не наступило. Несмотря на все протесты России, в Тавриз всё же прибыл валиагд. Пишкар⁸⁰ при нём и фактически управителем провинции был Низам эль-Мольк. Он начал с того, что сместил градоначальника Тавриза, который, по словам управляющего русским консульством Беляева, «прекрасно» работал «по советам русского инструктора полиции». На пост градоначальника был назначен Эмиль эд-Доуле. Беляев характеризовал его как «бедного, нуждающегося, жадного принца, получившего воспитание в Австрии». Новая администрация занялась распродажей с аукциона губернаторских мест, причём на губернаторские должности (например, в Ардебиле) назначались явные противники России. Беляев был обеспокоен. Он прибегал к угрозам, заявляя, что не допустит в Арdebиль нового губернатора, и т. д.⁸¹

Вскоре возникла надежда на установление с валиагдом хороших отношений на иной основе. Выяснилось, что молодой наследник престола был далеко не в идеальных отношениях с сопровождавшими его чиновниками. В начале апреля 1915 г. валиагд получил, например, из Тегерана телеграмму, в которой указывалось, что он лишь номинальный правитель Азербайджана, а всё управление краем лежит на пишкаре. Валиагд страшно обиделся, рассорился с Низам эль-Мольком и приказал подать экипаж, чтобы ехать обратно в Тегеран. Его долго успокаивали и, наконец, отговорили от этого. Хотя инцидент и был исчерпан, валиагд видел, что фактически провинцией правит не он, а окружавшие его чиновники. Это и побудило валиагда искать поддержки у русских. Вместе с тем валиагд был ладок и на материальные выгоды. «Дружба» установилась довольно быстро. Молодому наследнику показывали казачью бригаду, ему льстили и дело дошло до того, что он стал ходить пить чай к чинам русской администрации.

«Наследник престола — писал начальник казачьей бригады Прозоркевич, — живо интересуется службой и строевым обучением казаков... За службу и обучение благодарит командный состав и нижних чинов»⁸².

Тем не менее общее состояние в провинции было неустойчивым. Многие племена занимали неясную, а иногда и явно враждебную по отношению к России позицию. На шахсевен возвращение русских оказало даже отрицательное влияние. 21 февраля 1915 г. ардебильский губернатор получил секретный рапорт, в котором сообщалось о намерении шахсевен напасть на русские войска в Ардебиле. Указывая, что силы русских незначительны и что одновременно курды могут заставить русских очистить и Тавриз, автор рапорта добавлял: «У персидского правительства силы тоже нет никакой, и таким образом халхалские, меш-

кинские и караджадагские ханы восстаноят своё бывшее влияние и увеличат свои владения». В связи с этим состоялось несколько совещаний ханов племён и, как отмечалось в рапорте, создалось весьма серьёзное положение⁸³.

Русские власти потребовали, чтобы подзреваемые в заговоре ханы явились в Ардебиль. Вот что было получено в ответ: «Ваше почтенное послание мною получено. Бог свидетель, как я уже и раньше докладывал Вам, нет у нас другой помощи, нет у нас другой надежды, как только на Вас. Теперь Вы изволите меня вызывать, но я сильно болен, и человек губернатора может это Вам лично засвидетельствовать. Как только поправлюсь, не замедлю явиться к Вам, если только не умру, о чём, конечно, Вы тогда узнаете» (перевод копии письма Новруз-хана на имя начальника ардебильского отряда и ардебильского вице-консула).

«Ваше почтенное письмо мы получили. Вы изволили нас вызывать в Ардебиль. Сообщаем для Вашего сведения, что если в данное время мы примем наши кочёвки, то боимся, как бы не произошло беспорядков на границе и Вы не разгневались бы на нас» (перевод копии письма пяти ханов в тот же адрес).

«Ваше почтенное письмо... получил. Вы изволите вызывать меня и моего брата Селима. Мы два брата и живём вместе и вместе служим Вам... Теперь мы... приехать к Вам не можем, так как кочёвки остались бы в таком случае без хозяев» (перевод копии с письма Керим-хана Хаджи-ходжалкина в тот же адрес).

Несколько позже, в июле 1915 г., из Ардебил в Тегеран прибыл один из главных инициаторов антирусского движения среди шахсевен, некий Насрула Юрчи. В качестве делегата от племени шахсевен он должен был договориться с турецким посольством и германской миссией о возможных компенсациях этому племени в случае, если оно выступит против русских. В начале сентября 1915 г. в Тегеран прибыл другой представитель от шахсевен, Хаджи Шабан-Али, ардебильский купец. Он вёл переговоры уже не с официальными германскими и турецкими представителями, а с их тегеранской агентурой. При отъезде из Тегерана этот «делегат» был снабжён многочисленными письмами к шахсевенским вождям и партийей золотых часов. С таким багажом он возвратился в Ардебиль⁸⁴.

⁸³ Там же, ф. 126, л. № 9, лл. 46, 47, 49, 56—57; копии писем на персидском языке на лл. 50—52.

⁸⁴ Там же, л. № 494, л. 58. Интересно отметить, что покупкой этих часов и подобных подарков занимался в Берлине так называемый «комитет иранских демократов». Вот что сообщается по поводу этого в 28-м пункте отчёта комитета: «По вопросу о подарках было много осложнений и недоразумений с министерствами колоний и иностранных дел (в Берлине. — Т. К.). После долгих разговоров и бесконечных переговоров, наконец, часть подарков была вручена. Всего, что имеется в данном списке, мы получить не могли, так как это слишком дорого (иными

⁸⁰ Пишкар — управляющий, заместитель.

⁸¹ МО. Т. VII. Ч. 2-я и № 433, прим. 2 на стр. 30.

⁸² ЦИА ГрССР. ф. I, д. № 494, л. 65.

Немецко-турецкие происки имели место и в других провинциях Северного Ирана. Так, например, в Мазандаранской провинции среди населения ходили слухи, что вскоре туда придёт отряд жандармов в 1200 человек «для восстановления в провинции авторитета правительства», для ареста лиц, преданных русским, и для сопротивления России на случай, если после войны она захотела бы захватить край. В мае 1915 г. в Барфруш действительно прибыло несколько жандармов во главе с двумя офицерами.

Появились германские агитаторы и в Шахруде⁸⁵.

Но всё это не имело теперь решающего значения. Центр тяжести германской активности был перенесён на другие районы Ирана — на центральные и южные области. Это повлекло за собой существенную перемену в поведении английской дипломатии в Иране. «Пока германо-турецкое наступление направлялось на Иранский Азербайджан, т. е. на зону русских интересов, англичане всемерно противодействовали России в её стремлении изменить состав иранского правительства. Когда же возникла угроза Центральному и особенно Южному Ирану, где были сосредоточены основные интересы Англии, английская дипломатия сама стала добиваться назначения на пост премьера вместо Мустоуфи оль-Мемалека какого-либо другого деятеля, способного более решительно воспрепятствовать германской пропаганде.

Уже первые известия о поражении турок на Кавказе и в Иранском Азербайджане поколебали положение кабинета Мустоуфи оль-Мемалека. По словам Коростовца, сражение при Софиане и вступление русских войск в Тавриз произвели в Тегеране сильнейшее впечатление. Русская миссия опубликовала в тегеранских газетах сообщение с изложением последних событий. В коммюнике торжественно отмечалось, что «врагам не удалось нарушить вековую дружбу между двумя народами и что отныне, как и в прошлом, согласие восстановлено между Россией и Персией». Коростовец также сообщил в Петроград, что шахское правительство, ознакомившись с подробностями занятия Тавриза, просило передать глубокую признательность за благожелательное отношение к населению, проявленное русским командованием и войсками⁸⁶. Конечно, «признательность» иран-

ского правительства была вынужденной. В действительности чувства иранских министров были иными, что не было скрыто и от Коростовца. Он доносил через несколько дней в Петроград, что возвращение русских войск в Тавриз принесло горькое разочарование иранскому правительству и что шах отнёсся к этому факту с раздражением.

Открыто высказывать своё недовольство иранский кабинет теперь уже не отваживался, тем более что Тоунлей, встревоженный начавшимся в это же время наступлением турок в центре и на юге Ирана, советовал иранским министрам занять по отношению к русским более примирительную позицию. Очевидно, этот совет английского посланника вызвал новое посещение Моина оль-Везаре русской миссии. Моин сообщил, что в иранских правительственных сферах сомневаются в возможности дальнейшего сохранения политики нейтралитета и что, быть может, в интересах Ирана было бы стать на сторону России и Англии. По дошедшим до Коростовца слухам, иранцы собирались требовать за своё присоединение к Антанте: эвакуацию Азербайджана, крупный заём или аванс, снабжение оружием, сокращение процентов по русским и английским ссудам, изменение таможенных тарифов. Иранцы также были бы готовы приобрести Кербелу и Неджеф⁸⁷.

Тоунлей высказался за принятие иранского предложения, хотя его мнение, как и прежде, не подтверждалось указаниями из Лондона. Коростовец отнёсся к иранскому предложению сдержанно, и вопрос остался открытым⁸⁸. Впрочем, сомнительно, чтобы иранцы и сами серьёзно относились к своему предложению. Они прежде всего думали о компенсации, а Мустоуфи оль-Мемалек кроме того искал хоть какого-нибудь выхода из создавшегося тупика. 20 февраля 1915 г. Мустоуфи оль-Мемалек, не дождавшись результатов переговоров с обеими миссиями, добился утверждения шахом нового состава кабинета и представил его меджлису. Но и такой выход оказался для Мустоуфи невозможным. Узнав о реорганизации иранского кабинета, Сазонов поручил Коростовцу заявить Мустоуфи оль-Мемалеку следующее: «Так как кабинет сформирован им без предварительного соглашения с нами, то мы предоставляем себе полную свободу действий в зависимости от того положения, которое кабинет этот займёт в отношении нас»⁸⁹.

На новый кабинет немедленно посыпались упреки со стороны русской и английской миссий, что должно было подчеркнуть недовольство России и Англии Мустоуфи оль-Мемалеком. Вместе с тем это свидетельствовало о происшедшем сближении точек зрения обеих держав. В 20-х числах февраля Тоунлей и Коростовец сделали иранскому министру иностранных дел совместное устное заявление о нарушении шахским правительством нейтралитета в пользу Турции и потребовали дать пред-

⁸⁷ Там же, № 181, прим. 2 на стр. 240.

⁸⁸ Там же

⁸⁹ Там же, № 238.

писание вождям племён Курдистана и Керманшаха, бахтиарам и прочим противодействовать турецкому вторжению в Центральный и Южный Иран. Посланники также потребовали принятия мер против агитации немцев, называвших себя консулами и находившихся в Исфагане, Касри-Ширине, Шустере.

По своему обыкновению иранское правительство заверило обоих посланников, что исполнит все их требования. Оно обещало «безотлагательно дать телеграфное предписание губернаторам и вождям племён всемерно противиться турецкому наступлению в Персию», обещало также принять меры против немецкой агитации, хотя по вопросу о немецких агентах на юге Ирана министр иностранных дел указал «на трудное положение правительства» ввиду нажима со стороны турецкого посольства и германской миссии⁹⁰.

Положение кабинета Мустоуфи оль-Мемалека сделалось совершенно нетерпимым. Победа России над турками на Кавказе и в Иранском Азербайджане требовала соглашения с Россией. Начало турецкого наступления в центре и на юге страны побуждало Англию к большей поддержке русских требований, а потому ишло кабинет прежней опоры на Тониджа. Вместе с тем как военные действия турок, так и германо-турецкая дипломатическая активность в Тегеране создавали для иранского правительства необходимость время от времени уступать центральным державам⁹¹. Ко все-

му этому добавлялись террористические акты, совершавшиеся германскими агентами, и резкое недовольство возобновившего свои работы меджлиса, в котором большинство принадлежало партии демократов, стоявшей за соглашение с немцами против России и Англии.

Мустоуфи оль-Мемалек был испуган, он не имел ни сил, ни возможности занять определённую политическую позицию. Признав свою беспомощность, он в начале марта 1915 г. подал в отставку. Ещё до него с поста министра иностранных дел ушёл Ала эс-Салтане. Новым премьером был назначен Мушир эд-Доуле. Это был, по отзыву Коростовца, «человек благожелательный, но чересчур склонный к теоретическим отвлечённостям»; он иногда владелся в «утопические рассуждения о нейтралитете, национальной армии, законодательных реформах»⁹².

Так завершилась первая фаза иранского «нейтралитета», связанная с вооружённой борьбой России и Турции в Иранском Азербайджане. Дальнейшие события развивались уже на другой основе: потерпев неудачу в попытке утвердиться в Иране при помощи захвата Азербайджана турецкими войсками и убедившись в бесполезности надежд на моральную силу призывов халифа к «священной войне», немцы перенесли свою активность на Центральный и Южный Иран. Здесь они стали готовить военный плацдарм, чтобы с помощью сформированных ими вооружённых отрядов произвести государственный переворот и полностью подчинить иранское правительство своему господству.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, № 4003, л. 58.

⁹¹ Правительство, например, попустительствовало превращению германской дипломатической миссии в настоящей укрепленный форт: боковые ворота миссии были наглухо забиты, главный вход охранялся жандармами и нанятыми миссией вооружёнными до зубов отрядами муджахидов (добровольцы); чины

миссии выезжали не иначе как в сопровождении вооружённого эскорта («Новое время» от 5 декабря 1914 года).

⁹² МО. Т. VII. Ч. 2-я, № 499.